

Ранее расслабленно болтавшиеся ноги внезапно застыли. Словно душа покинула тело, она смотрела, как этот знаменитый актер, который, хоть и работал в одной с ней съемочной группе, но был человеком из совершенно иного мира, серьезно выбирает из ее пакета пирожок с красной фасолью и откусывает кусочек.

Хуа Мянью: «...»

Под пристальным взглядом улыбка на лице Бай И стала еще отчетливее. Он наклонился и помахал рукой перед ее ошоломевшим лицом:

— Спасибо. С полшестого утра на ногах, а мой ассистент опять где-то запропастился, я чуть с голоду не помер.

Хуа Мянью продолжала неподвижно смотреть на него.

Не дождавшись ответа, Бай И, казалось, пребывал в отличном расположении духа. В этот момент из-за фургона с реквизитом послышались голоса, зовущие его. Он отозвался, но взгляд его был прикован к ошарашенной девушке, которая от шока выглядела совсем глупенькой. Через мгновение он отвел глаза и, развернувшись, ушел.

— Старик Бай, чего ты там за фургоном с реквизитом делал?.. О, откуда пирожки?

— Искал кое-что. Какая тебе разница, откуда у меня пирожки?

— Ну так попросил бы реквизиторов поискать, зачем самому-то возиться?

— ...Личная вещь.

Небрежно брошенные слова донеслись из-за фургона.

Хуа Мянью на мгновение замерла, и когда Бай И произнес слова «личная вещь», она почему-то тихонько чихнула.

Когда шаги за фургоном затихли, она будто оттаяла, зашевелилась и бесшумно вскарабкалась обратно в кучу реквизита. В темноте, за грудой картонных коробок, она протянула маленькую бледную ладошку и с глухим стуком захлопнула дверь фургона.

Мир наконец погрузился в тишину.

Свернувшись калачиком на маленьком табурете, предназначенном специально для нее, Хуа Мянью подперла подбородок рукой и погрузилась в раздумья. Что же, черт возьми, произошло сегодня утром?

Она подняла руку и бессознательно потерла уголок губ.

«...»

Для нее это событие потянуло на целую серию «Историй невероятного».

Чтобы избежать продолжения этих «историй», Хуа Мянью просидела в фургоне всё утро, не показываясь на глаза.

Забравшись внутрь, она первым делом перерыла все коробки, даже заглянула под стопки белого картона в углу, но так и не нашла ничего, хотя бы отдаленно напоминающего ножны.

Единственный длинный цилиндрический предмет, который теоретически мог бы подойти, она долго вертела в руках, пока не вспомнила, что это вовсе не ножны, а флейта. Бамбуковая, с отверстиями, которые она сама проделала маленьким шилом.

Хуа Мянью: «...Ну что за дела, где же они?»

Никаких ножен и в помине не было... Бормоча это себе под нос, она с досадой положила флейту обратно в коробку, обхватила колени руками и снова уставилась в одну точку.

Через десять минут она сменила позу, перестав бездумно смотреть в пустоту. Временно отбросив мысли о ножнах, она забилась в угол фургона, прислонилась головой к окну и, используя пробивающийся сквозь стекло солнечный свет, принялась внимательно изучать оригинал Божественной книги Лохэ.

Всякий раз, когда в тексте встречалось описание какого-либо предмета, она делала паузу, выхватывала блокнот и начинала что-то чертить карандашом.

Так за одно утро на страницах появились наброски двух-трех предметов. Там были пометки, исправления, указания материалов для отдельных деталей — всё до мельчайших подробностей.

Это была привычка Хуа Мянью.

Внимательно прочитать оригинал или сценарий, а затем изготовить каждый реквизит, который может понадобиться.

Если вдруг что-то потребуется, она сможет тут же это достать, не давая съемочной группе сорвать график из-за нехватки какой-то мелочи.

В реальности не существует никакого Дораэмона, нет людей с волшебными сумками. Просто пока другие реквизиторы отдыхали и болтали, Хуа Мянью была занята ножницами, клеем, пенопластом и красками. Вот и всё.

Погруженная в проектирование реквизита, девушка преображалась: ее взгляд становился сосредоточенным и ясным, а карандаш в руке издавал мерное «шур-шур», выводя линию за линией. Это был единственный звук. Вокруг ни души, такая тишина, что она почти слышала собственное дыхание.

Она взяла кусок легкого пенопласта, представляя, как превращает его в настоящий предмет — камень, наконечник стрелы, — тщательно шлифуя и покрывая краской из пульверизатора.

Вокруг царило удивительное спокойствие, дарившее Хуа Мянью недоступное другим чувство безопасности. В окружении всевозможных предметов кино и телевидения она чувствовала себя так, словно сама была неодушевленным объектом, которому здесь самое место.

Когда она снова подняла голову, то услышала, как кто-то постучал в окно фургона.

Она оторвалась от книги и увидела за стеклом Су Янь. Та показала на свои часы. Хуа Мянью схватила телефон и ахнула: уже одиннадцать дня.

Хуа Мянью: «...»

Так поздно.

Книга, лежавшая на коленях, была прочитана уже наполовину. Она и не заметила, как просидела всё утро, уткнувшись в страницы. Принесенный утром пирожок, забытый в углу, стал твердым как камень. Хуа Мянью потерла урчащий живот, поднялась и открыла дверь фургона.

— Что случилось? — тихо спросила она.

Су Янь, опираясь на дверь, затараторила:

— Сегодня снимают сцену, где главный герой прыгает в воду. В пруду есть электрощит, который вечно попадает в кадр под любым углом. Группа просит нас придумать, как его скрыть.

Хуа Мянью ничего не ответила. Она нырнула вглубь фургона, а когда вышла, на ее лице была черная маска, в руках — сложенный брезент, а за спиной — саперная лопатка. Она молча посмотрела на Су Янь.

Су Янь:

— Ты не можешь снять эту дурацкую маску?

Хуа Мянью покачала головой.

Су Янь окинула взглядом ее фигуру с брезентом и лопаткой:

— В таком виде ты похожа на маньяка.

Хуа Мянью опустила голову, разглядывая свои ботинки, ей стало немного обидно.

Су Янь дернула уголок рта, поспешно забрала лопатку, извинилась за свои слова и потащила сопротивляющуюся Хуа Мянью на площадку. Из-за проклятого щита съёмки встали, и режиссер, пользуясь паузой, всю репетировал с актерами. Увидев суматоху, он поднял голову и, заметив Су Янь, которая тащила за собой хрупкую фигурку, вытянул шею с явным предвкушением:

— Хуа Мянью пришла! Посмотри, можно ли убрать этот щит или, может, спрячешь его в свой карман Дораэмона и унесешь?

Хуа Мянью: «...»

Вокруг послышался смех. Бай И тоже обернулся и улыбнулся, глядя на нее.

Хуа Мянью подняла руку, поправила маску и молча подошла к старому, ржавому зеленому электрощиту. Осмотрев его, она расстелила брезент.

Раскрыла складную лопатку, набрала земли и стала насыпать ее на брезент.

Лопата мелькала вверх-вниз, земля ложилась на ткань, постепенно формируя небольшой холмик. Сверху она уложила дерн, и издали щит исчез — остался лишь неприметный бугорок.

Режиссер заглянул в монитор, удовлетворенно кивнул и крикнул: «Окей!» Хуа Мянью облегченно выпрямилась, но, пытаясь сложить лопатку, обнаружила, что шарнир заклинило.

Вокруг всё ещё стояло много людей, наблюдая за ней.

Хуа Мянью покраснела от досады. В тот момент, когда она уже готова была сдаться и пойти к фургону с открытой лопаткой, из толпы протянулась большая рука и забрала инструмент.

Хуа Мянью замерла, обернулась и увидела стоящего позади Бай И в сценическом костюме. Он в два счета сложил лопатку, стряхнул грязь с рукоятки, протянул ее Хуа Мянью и улыбнулся:

— Спасибо за утренний пирожок.

...Э-э, что?

Хуа Мянью за маской широко раскрыла глаза.

Он... он узнал меня?

Ошарашенно приняв лопатку, она прошептала «спасибо» так тихо, что услышать мог только он. Когда он добавил: «Там еще грязь, не прижимай так сильно, испачкаешь белое пальто», Хуа Мянью лишь беспорядочно закивала, даже не разобрав слов, и, поджав хвост, бросилась прочь, протискиваясь сквозь толпу.

Съемки продолжились. Для большинства этот эпизод был лишь маленькой интерлюдией.

...

Час спустя наступил обед.

Все сотрудники съемочной группы хлынули с площадки. Чтобы после обеда декорации оставались на своих местах, никому, включая актеров, не разрешалось оставаться на площадке для еды или отдыха.

Это привело к тому, что везде, от места раздачи коробок с обедом до ближайших свободных площадок, было полно людей.

Это была сцена, которую Хуа Мянью ненавидела больше всего на свете.

Но так как днем у нее еще были задачи, уйти далеко она не могла. Поэтому, подгоняемая настойчивой Су Янь, она дождалась, пока большинство разберет еду, и лишь потом неохотно выбралась из фургона.

— Сейчас остались только не самые вкусные блюда. Говорят, самым крутым был рис с тушеным мясом.

— П-прости...

— Да что ты заладила «прости», за что ты извиняешься?!

Су Янь ворчала, но ни на шаг не отходила от Хуа Мянью, зная, что если она отвернется, та просто откажется от обеда и сбежит обратно в фургон, чтобы до вечера жевать холодные пирожки.

— Что, в фургоне спрятаны тонны золота? Ты как Смауг, прикованная к горе монет, ни на шаг не отходишь.

— ...

Добравшись до места выдачи, они увидели огромную очередь. Хуа Мянью издали вытянула шею, наблюдая за ней. Су Янь закатила глаза:

— Если ты будешь просто стоять и смотреть, думаешь, коробка с обедом отрастит ноги и сама придет к тебе?

Хуа Мянью: «...»

Су Янь нашла маленький табурет, усадила Хуа Мянью, велела не уходить, а сама с пропуском Хуа Мянью пошла в очередь.

Сидя на табурете, Хуа Мянью от скуки достала телефон. В соцсетях уже появилась новая статья: «Популярный актер Бай И доступен и добр к персоналу, он даже помог реквизитору на площадке».

К статье прилагалось фото: Бай И с саперной лопаткой в руках улыбается девушке с длинными вьющимися волосами, стоящей к камере спиной.

Тысячи репостов, море комментариев: «Мой кумир — пример для подражания!»

Хуа Мянью тихо охнула, чувствуя себя крайне неудобно.

Она огляделась по сторонам, размышляя, не спрятать ли это белое пальто до следующего года, как вдруг услышала неподалеку знакомый голос:

— Почтенный, не подскажете, есть ли поблизости постоянный двор? Я здесь впервые и не отдыхал уже целые сутки...

Хуа Мянью замерла, развернулась на табурете на сто восемьдесят градусов и увидела того самого мужчину, который напугал ее утром. Он всё еще был в черном древнем костюме, волосы тщательно собраны в высокую прическу... Он тормозил массовку в костюмах, с самым серьезным видом спрашивая, где найти постоянный двор.

Парень из массовки с коробкой обеда в руках: «А? Что? Постоянный двор? Это не туристический городок, откуда тут постоянные дворы? Ты про отели или гостиницы?»

Сюань Цзи: «?»

Хуа Мянью: «...»

Опять он?

Почему он всё еще здесь?!

Призрак какой-то, не отделаться!

Видимо, взгляд Хуа Мянь был слишком жгучим. Сюань Цзи, общавшийся с актером массовки, внезапно поднял голову. Их глаза встретились. Мужчина увидел на табурете девушку с длинными волосами, которая смотрела на него во все глаза.

В руке она всё еще сжимала тот самый таинственный жетон из черного железа, способный вызвать стражников.

Мужчина помедлил, а затем, под ее шокированным и настороженным взглядом, холодно отвернулся, словно она была совершенно незнакомым человеком. Будто их встреча и разговор были лишь сном.

Хуа Мянь: «?»

Затем, не дожидаясь ответа от прохожего, Сюань Цзи развернулся и ушел. Его спина была прямой, походка уверенной. Несмотря на то, что вокруг было полно людей в исторических костюмах, все оборачивались, шепчась и гадая, кто он такой.

«Красавчик», «новичок», «из какой группы?» — эти слова долетали до нее со всех сторон.

Хуа Мянь: «...»

Он ушел?

Правда, вот так просто ушел?

То, что он не бросился к ней с вопросами о ножнах, принесло облегчение, но в глубине души зародилось странное чувство неудобства и замешательства.

Неужели ножны нашлись?

Ну, так даже лучше, с нее снимут подозрения. В конце концов, преследование такого яркого человека было довольно утомительным.

Она растерянно почесала голову, отгоняя странные мысли. В этот момент слышались шаги, и она увидела Су Янь, несущую два обеда.

— Ты на что смотришь? — с любопытством спросила та.

— ...Ни на что.

Хуа Мянью поблагодарила ее, взяла обед и положила на колени. Она уже собиралась снять резинку, как в голове внезапно прозвучал низкий голос мужчины:

«Я ждал тебя здесь, ждал всю ночь».

«Я здесь впервые и не отдыхал уже целые сутки...»

Э-э, погоди. Он правда нашел ножны?

Если он их нашел, то после того, как столько раз ее обвинял, разве не должен извиниться?

И что это за игнорирование?

Да, точно, он должен извиниться!

Что за невоспитанный человек!

Рука, тянущая резинку, замерла. Хуа Мянью вскочила с обедом в руках. Су Янь недоуменно посмотрела на нее:

— Ты чего опять?

— Я... я внезапно вспомнила об одном деле, пойду поем в фургоне.

— Что за дело, которое не может подождать до конца обеда?

— Нет, это очень срочно.

Бросив это, она развернулась и побежала в ту сторону, куда ушел мужчина.

...

Погоня была бессмысленной, но тело двигалось само собой. Она добежала до площадки другого съемочного коллектива и остановилась, тяжело дыша. Вокруг ходили незнакомые люди. Она посмотрела на коробку с обедом в руках...

Похоже, потеряла его?

«...»

В сердце зародилась досада. Хуа Мянью тяжело вздохнула, чувствуя себя полной дурой: «Что я вообще творю?» Она опустила голову и собралась было возвращаться, но в тот же миг путь ей преградила широкая грудь. Она замерла, подняла глаза и увидела идеальный изгиб мужского подбородка.

— Ищешь меня?

Голос мужчины был низким и бархатистым. Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

Это он.

Столкнувшись с этим ледяным лицом, Хуа Мянью растерянно открыла рот. Рука, сжимающая обед, напряглась, коробка слегка деформировалась:

— Нет... то есть... а, ну...

Сюань Цзи смотрел на девушку сверху вниз с каменным лицом.

— ...Ты, ты нашел то, что искал?

— ...

— ...

— Еще нет.

Лаконичный ответ.

— ...

Еще нет?

Ну надо же, еще не нашел, так почему, увидев меня, он просто развернулся и ушел?

Она прикусила губу, не зная, что сказать. Хуа Мянью чувствовала, что сошла с ума: он ее больше не ищет, а она сама прибежала к нему — зачем?

Они молчали. Хуа Мянью смотрела в пол, ее губы шевелились, но звука не было. Наконец, почувствовав на себе любопытные взгляды прохожих, она услышала холодный голос мужчины:

— Я перестал преследовать тебя, потому что после утреннего разговора предположил, что ты, возможно, действительно не знаешь, где находятся ножны Угуй.

Хуа Мянью вздрогнула и резко подняла голову.

— Твой взгляд чист и невинен, такой не бывает у злодеев. Глаза не лгут, — спокойно произнес мужчина. — Хотя от тебя действительно исходит аура ножен Угуй, и меч Угуй отзывается на твое присутствие...

Мужчина поднял руку, словно собираясь показать, как именно меч «отзывается», но вспомнил, что меч был изъят «властями». Будучи здесь впервые, он не хотел неприятностей, поэтому позволил им временно хранить меч. В конце концов, хотя меч был бесценен, обычный вор не смог бы им завладеть.

Рука опустилась.

Он заметил, что лицо девушки перед ним стало пунцовым.

Сюань Цзи: «?»

Хуа Мянью: «...»

Что значит «взгляд чист и невинен»...

А-а-а, он понимает, что говорит?!

Хуа Мянью сжала коробку еще сильнее, ее лицо пылало, а подбородок почти прижался к груди:

— И... и что ты собираешься делать дальше? Это... это очень важный реквизит? Если очень срочно, то... то, может, я могу помочь связаться с мастером по реквизиту... Я знаю очень крутого мастера, он может сделать что угодно!

Сюань Цзи замолчал. Меч Угуй был артефактом, оставленным древним злым божеством, и ножны, отлитые из того же железа, тоже были не простой вещью. Раса лис от природы хитра и проницательна, разве можно обмануть их, подсунув простое творение обычного кузнеца?

— От тебя исходит сильная аура ножен. Даже если они не у тебя, ты наверняка контактировала с ними в последнее время, — сказал Сюань Цзи. — Я решил пока остановиться здесь и использовать тебя как зацепку, чтобы продолжить поиски в округе... Что касается обычных кузнецов, в них нет нужды.